

КОРНИ

МХТ, — так чужды бы руководству доверить их? В МХТ, да и за стенами МХТ Станиславский никого не подпускал: он видел: знает одного только, кто стою, что даю мне.

Мейерхольд в конце марта 1905 года приезжает в Москву и говорит со Станиславским. Проект нового театра он должен осмыслить, а Николаев, где доиграет его труппа, Станиславскому он пишет: «Моя идея была. Благодарный за все, что даю мне. Художественный театр, кто отдаст ему все мои силы!»

Сочиненный Мейерхольдом проект сохранился в бумагах Станиславского. Он то ли нечеловек, то ли лгуш. Названия здесь: новая труппа, которая должна существовать с зимнего сезона 1905/06 года, при Московском Художественном театре, — исключают одна другую.

Организационная зависимость молодого дела от старого очевидна в мелочах. Бюджетом будет Г.А.Пастухов, сохраняя эту должность в Художественном театре: ему положена ежемесячная приплата по кассовому. То же с писемодателем и с секретарем: приплата в Газетно-управлении по делам печати нечет пьес. Русское общество А.Полевого своей рукой пишет Немирович Данченко, том оговорен статут Студии: отделение МХТ, часть в его составе. При том полемизация молодого дела по отношению к старому в проекте пропущена вычиткой. Дело не только в том, насколько подходит для МХТ намеченный репертуар (пьесы Ибсена, Станиславского и Пшибышевского, Метерлинка, Шиндлера, Стриндберга, Тургенева, Ведакина, Гюльштадта, Бьернсона и других) и насколько органично может стоять ансамбль, в котором артисты Московского Художественного театра предполагаются как гастролирующие. Важнее другое. Примиряющее значение, что объединяющим началом для МХТ и его отдели «будут здесь явиться: стремление к Высшей Красоте Искусства, борьба с рутиной, третейское неустойное искание новых изобразительных средств», звучит слишком обидно, а передел, глумливый эстетический расхождений — слишком конкретно.

Позднее, признавая основателем Студии Станиславского, а себя — вошедшим в это дело режиссером, Мейерхольд уточнял резолюцию: «Театр-Студия, базирующаяся на филиальном отделении Художественного театра, чья К.С.Станиславский и хотел, чтобы он стал таковым».

Это, впрочем, еще вопрос: театр ли.

Лист белого формата. На нем — как перед открытием Художественного театра — записываются административные девицы. «Stage on joint!», «Vere ardenie e on nepeie i pale». Кроме этих изречений Дузе («Творить радость!»), «Востану пылая и не чувствую боли!», записана и турецкая поговорка: «Вода сама из реки в сад не течет, — ее надо накачать».

Снова — как семь лет назад перед открытием МХТ — лист исписан в поисках подходящего названия: Театр-Студия, Театр Искусств, Театр Идей, Театр Союза Молодежи, Студия. На листе довольно много свободного места, внизу мелкими буквами предположено еще одно подходящее название: «Театр-Недочок». Архив КС, № 14548/3.

Будем ли пытаться выписать все нити, которые — для их точки, отнесенной как Студия на Поваровской, — связывают ствол МХТ с отделившимися художественными отделениями: с издательством Товарищества Новой драмы и его скитаниями; с Театром на Офицерской; с театром в Витебске (1908); с Александринским и Мариинским императорской цензурой; с «Лукоморьем», с Башенным театром, с «Помой Историю», со Студией на Бородинской, с товариществом в Териоках, с проблемами школ и с проблемами журналов («Любовь в трех альфонсах»), и дальше, дальше, через Первый Спектacular театр имени Дениса в Новороссийске, через театр РСФСР, через все ГВЫРМЫ и ГВЫТМ, через ГОСТИМ — до непревзойденных, волнующих переговоров, которые Станиславский вел с Мейерхольдом в середине 30-х в встрече их театральные идеи в едином деловом пространстве «Художественная часть — я, Немирович Данченко, Мейерхольд». Архив КС, № 263, л. 34), до зимы 1938 года, когда Станиславский прикрывает своим именем Оперный театр. Если все предположить, чертенок обретает свое кружево. Нити идут, соединяя Мейерхольда с Художественным театром через сопредседательствующих им Антона Чехова, Але-

ксандра Блока, Михаила Булгакова, Николая Эрдмана. Зрелищные точки пути Евгения Вахтангова, через судьбы Михаила Чехова — и сколько еще сопредседателей мучительных и парадоксальных, при том что «театрообразующих». И можно сопроводить рисунок любыми новеллами, снова и снова проследив за вьющимися удальнейшими художественными течениями со «столом».

Письмо новеллу хоть об Иде Рубинштейн, миллионерше-декадентке, которая после нескольких попыток стать ученицей Станиславского выбирает себе в мэтры Всеволода Мейерхольда (спектакли их общего театра, режиссированного, издательского, приного: «Саломея» 1908 года в Михайловском театре, где танец поставлен М.М.Фокиным, а костюмы принадлежит Лягу Баксу; «Пизанелла» Габриэля Д'Аннуцио в парижском театре Шатле, 1913). И портрет ее, рецензий, ноты как афиша: нага, улы, куды плещ, дождь и колес, библейские тяжелые волосы. Серов.

Письмо новеллу хоть о Борисе Пронине, том самом, с которым Станиславский толкал зиму 1905 года. В Музее МХАТ лежат воспоминания его соученика И.Лазарева — о замысле Народного Художественного театра. Немисленные и естественные записки персонажа из Студии на Поваровской в провинцию, в Петербург к Комиссаржевской, обратно в Москву. Пронин вместе с П.М.Ярвеном пытается создать студию в доме Перлова, где потом будет играть «Летучая мышь». Балиева (задумывая тут спектакль по Диккенсу «Рождественский гимн в прозе» заведует по «Смерти» Первой студии). Опять Пе-

тербург.

Пронин — один из тех вынужденных школы МХТ, в ком она пробуждала зигзаговатый, театроманский склад темперамента и который формировал специфическую, дымящую культуру театрального клуба десятых годов. Снова пересекается с Мейерхольдом, участвуя в создании «Лукоморья», «Дома Интермедии», с 1911 по 1919 год все дело в «Бригаде собак» и «Привале комедантов». Пробовал продолжать и после: в канун 1923 года открыл в Москве театральный кафе «Странствующий энтузиаст», в 1925-м — «Мансарду» на Большой Мочковской. В конце 20-х годов жил в Мокшар-Оле и Батуме, в 30-е годы поселился в Ленинграде в том доме, где прежде была «Бригада собак», служил в Б.Александровском, где незадолго до кончины справил свое 70-летие.

Вот уж верно сказано на века вперед: мы ленивы и нелюбопытны. Проследить бы логику, по которой именно из Художественного театра в его школы в годы между пятным и семидесятым пришли самые даровитые и неожиданные организаторы русской актерской культуры. Сюда бы и расхождение ролей театральными людьми при сдвиге театральными культурами. Сюда бы и полемизация судеб. Рассказать бы о Сергее Анти-монове, ученике школы МХТ: петербургский кабаретист; актер «Кривого зеркала» и «Привала комедантов», мастер театральными людьми, сочинитель обзорный извозской поры для Театра Сатиры (две премьеры в первом сезоне — «Закулисные», 17 ноября, «Нужная бумажка», 25 декабря 1924). В 1930-х служил там же, в «Сатири», режиссировал комедию «Липа» с музыкой Исаака Дунавского. Умер в 1954 году. В музее имени Вахтангова есть его архив. Удачливый услужливцем его в «Кривом зеркала» был другой воспитанник МХТ — А.П.Лос. В 1905 году при издательском «Найке» ему назначили (наряду с Мейерхольдом) роль Трешака. После какой-то репетиции Константин Сергеевич запальчиво обмолвился (письменно): в труппе вообще только один актер — Лос.

Все эти «кабаретные» отрасли Художественного театра весьма интересны, — не один лишь. Никита Балиев с его «Летучей мышью».

Место «Мышке» в нашем все более разрастающемся рисунке. Точка, когда новый театрчик отщепляется от «стола» (его генезис: великопостные «капустники» МХТ, злещие: молодежные «Вечера, чтобы не плакать»). Открылся 29 февраля 1908 года, на Каскина. Уже упомянутый нами дом Перлова: капризный и типичный при всей капризности силует здания, где «Мышка» живет в подвале первые годы, — все эти русифицирующие выдухи шестидеся-

перна, мотивы змея-горыныча и жар-птицы. Потом подвал в Минюлинском переулке, дом № 14. Потом только что отстроенный дом Нирне в Большом Гнездиновском: опыт небоскреба и некоего идеального колониального обслуживания, с общими столовыми, с общими скетчинг-рингами и цветником на плоской крыше, с театральным залом в подвале. «Мышь» тут играет уже за деньги (первые платные спектакли — с 1910-го).

Художнику на заметку: в каку-то минуту хорошо бы дать карту города, расположив театральными домами, ныне существующими и исчезнувшими. Место, где стоял на Поваровской дом Студии (снесли, когда прогубили Новый Арбат). Соседство и смена квартир в доме Нирне: в пору гражданской войны здесь играют в отсутствие «Мыши» студии Первой студии: Мария Германова диет премьеру «Короля темного чертова» Тагора.

В 1920 году Балиев и часть его артистов эмигрирует. «Летучая мышь» парижская, она же нью-йоркская (привозит в США тот самый Морис Гест, который затем организует зарубежные гастроли МХАТа в 1922-1924 гг.; именно Балиев основатель Геста с МХАТОМ; «Летучая мышь» московская, где остатки разбегавшейся труппы сперва пробуют держать марку, потом объединяются с актерами «Кривого Зеркала» (в том же доме Нирне), потом расходятся кто куда: концы.

«Мышь» в зарубежье прожила дольше: в 1931 году переехала из США обратно в Европу и какое-то время еще существовала.

Но вернемся в 1908 год и пойдем дальше.

На уроне этой даты, кроме возникновении «Летучей мыши», надо будет обозначить филиальное отделение (Станиславский называет его также Параллельным). Организационно Филиальное отделение внутри МХТ было уже оформлено. Многие молодые получили жалованье именно как его артисты. Начался репертуар. В выборе можно предположить тату с романтической и лирической ноте: «Двенадцатая ночь», «Сон в летнюю ночь», «Торренцо»

Мюссе», — впрочем, в намечках было всего читается забота, как занять и учеников школы (их все больше) и тех старших, кто страдает от художественной безработицы. Забота необходимая, но неуплаченная.

Год 1908. Насмешливая нота, легкая сдвиг пародийных изображений себя самих совпадает с подготовкой к десятилетиям МХТ. На закрытых для посторонних вечерах в доме Перлова обновляющая, освежающая усмешка над собой явственна, как и в вечерах школьных.

Заголовок репортажа: «На курсах А.И.Адашева». После слачи экзаменационных работ — престелное кабаро, удивительно талантливые, тонкое и веселое. Ре-портёр спешит отметить: «Много актеров Художественного театра: в путь за столами приоткрылись скромно В.И.Качалов, В.В.Лужский, Александров, Званцев.

Всёду мелькает седая голова кавказа А.И.Адашева и старая театральная фигура Л.А.Сувержицкого в синей фуфайке.

Это все преподаватели школы — они с волнением следят за своими учениками...

Престелно маленькое изображение, в котором затрагиваются маленькие зюбы из домашней жизни Художественного театра.

Здесь ученик Вахтангов изумительно, до жути похоже, имитирует Качалова в «Анате-ме».

Этот в Вахтангов, главный административный кабаро, автор большинства шуток, вообще показал большое дарование».

Включившая в свои мемуары этот газетный фрагмент, Серафима Бирман уверенно молчит о его отсылке видением ученика Вахтангова: «Вражда и нечестивость ностальгии итер!» «самостоятельность и сила», «волевая энергия и какая-то стремительная ментальность».

Вахтангов был дарованок во всем своим дарованиям, еще и карикатуристом (хорошо бы дать его шаржи, а заодно и рисунки Михаила Чехова, того же жанра). Обостренность и критичность восприятия сегоднешнего дня театра (исслед за «стремительной ментальностью») — доподлинный мотив пристрастия талантливого ученика школы в искателя-студийца.

МХТ разивал в своих актерских, даже и авторских, переломных моментах. Уроки давали почти все: легче назвать тех, кто не давал.

В чертёж или чуть в стороне — школа артистов МХТ С.В.Халютиню, существовавшая с 1909 по 1914 год. Среди ее режиссеров-педагогических опытов — «Незамком» Блока, сезон 1913/14. Блок давно манил к себе Художественный театр (как и его манило к Художественному), но цензурские его пьесы здесь так и не были разрешены. Халютиню пробовала создать не более своей школы «Театр Блока». Он не открылся, но показателями воли к его созданию.

Наверное, художник книги отыщет особое обозначение для порождений театров, живших лишь в плане, лишь в наброске. Понадобится, наверное, и обозначение для плана полусоусушенности.

После закрытия школы С.В.Халютиню вместе с адвокатом А.Н.Васильевым в 1915 году собрали студию, известную как «Трибунская студия» — по первому ее публичному спектаклю («Горе и радость», 1916). Студия под руководством Халютиню, Н.П.Кудрявцева и В.В.Лужского просуществовала до 1924 года; в 1922/23 — здесь прошел курс лекций Станиславский, среди ее учеников — М.Н.Корон (1920-1922, играл в спектакль «Ремесленник», «Семья в летнюю ночь» из афинских «Смеленников», Жеронта в «Плутный Скапена» Мильера, а также Наталья Сац.

Уж чтобы ничего не упустить, можно дописать: среди учеников Халютиню был А.Д.Диккий (од не дальнее), когда в 20-х годах он станет среди прочих своих дел худруком Театра-студии имени Ф.И.Шаляпина, Софья Васильевна режиссирует злещие драматические спектакли (сценарии — С.Г.Бирман). Так что и эта студия, игравшая близ Арбата, в Б.Никольском переулке, д. 13, для МХТ не чужая, и на карте ее надо бы поместить.

● М.Ф.Андреева

● В.З.Мейерхольд
● Афиша спектакля «Театр-Студия Шлокъи Я» на Поваровской «Шлокъи Я»

(Окончание на стр. 11)